

Slavoj Žižek, *Less Than Nothing: Hegel and the Shadow of Dialectical Materialism*

London: Verso, 2012, 1056pp., ISBN 978-1844678976

Рецензент — Агон Хамза

Исследовательский центр Словенской Академии наук и искусств

Как известно, философская система Славоя Жижека ориентируется на три традиции: гегелевскую философию, лакановский психоанализ и марксистскую критику идеологии. Хотя они присутствуют в его работе неравномерно, Жижек предлагает не только их оригинальное прочтение, но и концептуальную и систематическую реорганизацию и перемещает их в новую философскую область. При беглом анализе его работ, от «Возвышенного Объекта Идеологии», опубликованного в 1989 г., и до недавнего “Absolute Recoil” нельзя не заметить перемены в отсылках: поначалу Лакану отводится гораздо большее место, чем Гегелю и Марксу, но начиная с «Параллаксного видения» (2006) внимание все больше сосредоточивается на Гегеле. Во введении к «Возвышенному объекту идеологии» Жижек утверждает, что

«сохранить Гегеля» можно, только прибегнув к Лакану, и, в свою очередь, прочтение Гегеля и его наследия через Лакана способствует новому пониманию идеологии, позволяя нам «схватить» современные феномены идеологии [...] без того чтобы стать жертвой определенного рода «постмодернистских» ловушек (например, той иллюзии, что мы находимся в «постидеологических» условиях) (Жижек 1999: 15).

Для Жижека Гегель и Лакан неразделимы. Позволю себе еще одну предварительную цитату из сиквела к «Возвышенному объекту идеологии» — работы «Они не ведают, что творят: наслаждение как политический фактор»:

Теоретическое пространство настоящей книги сформировано, как и пространство «Возвышенного объекта идеологии», тремя центрами тяжести: гегелевской диалектикой, лакановской психоаналитической теорией и современной критикой идеологии. Эти три круга образуют Борромеев узел: каждый из них соединяет два других. [...] Три

теоретических круга обладают, однако, разным весом: именно средний термин, теория Жака Лакана, есть — как сказал бы Маркс — то «общее освещение, в сферу действия которого попали все другие цвета и которое модифицирует их в их особенностях» (Žižek 2002: 2).

Несколько упрощая, можно сказать, что Лакан Жижека — прямая противоположность Лакана англосаксонской академии, постструктуралиста, близкого к Деррида или даже Делёзу. Для Жижека Лакан существует обособленно от всей послевоенной французской философской традиции, и как таковой он оказывается гораздо ближе к Гегелю, чем к кому-либо еще — хотя сам Лакан и не знал об этом. Однако в последних работах Жижека ситуация меняется. С некоторых пор в своем масштабном проекте перепрочтения Гегеля Жижек отводит Гегелю определяющую роль (McGowan 2013: 31–53) в чтении как марксовой критики политической экономии, так и психоаналитической теории Лакана. Хотя он многим обязан Лакану, его главный Учитель — Гегель. Именно гегелевская философия оказывается тем фундаментом, на котором Жижек строит свой политический проект. Вернемся еще немного назад: уже в своей третьей большой книге «Сосуществование с негативом» он развивает идею гегелянского переворачивания Маркса и, таким образом, движется в направлении, противоположном традиционной марксистской критике Гегеля. Жижека часто обвиняют в том, что он шарлатан, бессистемный мыслитель, чьи работы представляют собой бессодержательную свалку. Не это ли постоянно повторяют его критики? Они начинают с указания на то, что у него нет философской системы, и в итоге утверждают, что ему никогда не удастся сделать то, что он обещает сделать. А что сказали бы эти критики о «Феноменологии духа» Гегеля? Есть мнение, что если и существует книга, которая действительно непоследовательна и охватывает очень широкий круг тем — от сознания до скептицизма, от искусства до религии — без какой-либо лежащей в основе предпосылки, то это она (ср.: Pinkard 2000: 256–265). Более того, Гегелю и самому приходилось сталкиваться с подобной критикой. Но стоит ли нам останавливаться на том, что Жижек, как и Гегель, — несистематический, полный противоречий мыслитель? Простейший ответ на эти обвинения может быть таким: противоречие вписано в сам диалектический процесс мышления, так как диалектическое мышление и/или диалектические процессы основаны на противоречии. Всякая система мысли (но не только мысли, то же касается политических систем и т. п.) основана на консистентном целом. Структура целого как такового зависит от его симптомов, эксцессов и т. д. Не это ли и есть Гегель Жижека? Философские исследования Гегеля, особенно в англосаксонском мире, в основном сосредоточены на создании не- или антиметафизического Гегеля. Я позволю себе процитировать параграф из «Меньше чем ничто», в котором Жижек противостоит такому прочтению Гегеля:

Доминирующая гегельянская стратегия, возникающая как реакция на чучело «Гегель, Абсолютный идеалист», предлагает «дефлированный» (*deflated*) образ Гегеля, избавленный от онтологических метафизических притязаний, редуцированный к общей теории дискурса, возможностей аргументации. Лучший пример такого подхода — так называемые питтсбургские гегельянцы (Брэндом, МакДауэлл), а также решительным его сторонником является Роберт Пиппин (Žižek 2012: 237).

Он продолжает:

Необходимо что-то большее, чем этот «дефлированный» образа Гегеля: к постгегельянскому разрыву нужно подходить прямо. Разрыв действительно имеет место, но Гегель в нем есть «исчезающее опосредование» между «до» и «после», между традиционной метафизикой и постметафизической мыслью XIX и XX вв. То есть что-то происходит в Гегеле, прорыв в уникальное измерение мысли, который стирается, делается невидимым в своем истинном измерении постметафизической мыслью! (Žižek 2012: 239)

Мы, таким образом, должны задать себе простой вопрос: зачем Жижеку нужен Гегель (см.: Namza 2015)? И с каким Гегелем мы встречаемся в работах Жижека? На простейшем уровне, Гегель Жижека — это антидефлированный Гегель, противостоящий дефлированному Гегелю, наиболее последовательно отстаиваемому Пиппином, чья задача состоит в защите буржуазной философии.¹

Знаменитый призыв Жижека «вернуться от Маркса к Гегелю» на деле означает переворачивание стандартного для марксизма XX в. подхода, предлагающего отказ от Гегеля (самый значительный его представитель — Альтюссер). Его проект, таким образом, может быть сведен к следующему тезису: современный марксизм должен быть основан не на марксовом прочтении Гегеля, но, скорее, на предположениях о том, как бы Гегель прочитал Маркса, обсуждаемых сквозь призму лакановской теории.

Как функционирует философия Гегеля? Философия вступает в дело там и тогда, где и когда фигура сознания устаревает. Словами Гегеля:

То, чему нас учит понятие, необходимо показывает и история, — что лишь в пору зрелости действительности идеальное выступает наряду с реальным и строит для себя в образе интеллектуального царства тот же мир, постигнутый в своей субстанции. Когда философия начинает рисовать своей серой краской по серому, тогда некая фор-

¹ См. его рецензию на «Меньше чем ничто» Жижека (Pippin 2012: 13). См. также: (Johnston 2012: 371–418) и ответ Жижека (Žižek 2014).

ма жизни стала старой, но серым по серому ее омолодить нельзя, можно только понять; сова Минервы начинает свой полет лишь с наступлением сумерек (Гегель 2009: 44).

Опять же, следуя Жижеку, мы можем возразить 11-му тезису Маркса, согласно которому на протяжении истории философии философы лишь объясняли мир, занимая позицию прекрасной души, отказываясь вмешиваться в него и тем самым его трансформировать. Не верно ли прямо противоположное? За исключением Гегеля, у каждого философа был проект идеальной формы социальной организации: начиная с Платона у каждого философа было свое «Государство». Единственный, у кого не было такого проекта, и критикой которого Маркс по преимуществу занимался, — это Гегель! Гегель — философ, который не особенно заглядывает в будущее (вспомним его комментарии об Америке и России, в которых он говорит (из перспективы XVIII в.), что хотя еще слишком рано утверждать, будущее — за ними).

Нет ничего более антигегельянского, чем рассматривать гегелевскую концептуализацию Государства как закрытую, рациональную. Напротив, его Государство открыто всем случайностям, неожиданным событиям, переворачиваниям и т. д. Именно эта открытость позволяет Жижеку переосмыслить коммунистический проект в гегельянских терминах.

Перев. с англ. Георгия Копылова

Библиография

- Гегель, Георг Вильгельм Фридрих (2009). *Философия права*. М.: Мир книги; Литература.
- Жижек, Славой (1999). *Возвышенный объект идеологии*. М.: Художественный журнал.
- Hamza, Agon (2015). “Going to One’s Ground: Žižek’s Dialectical Materialism”. In *Slavoj Žižek and Dialectical Materialism*, eds. Agon Hamza and Frank Ruda, 163–175. New York: Palgrave.
- Johnston, Adrian (2012). “Where to Start?: Robert Pippin, Slavoj Žižek, and the True Beginning(s) of Hegel’s System”. *Crisis and Critique* 1.3: 371–418.
- McGowan, Todd (2013). “Hegel as a Marxist: Žižek’s revision of German Idealism”. In *Žižek Now: Current Perspectives in Žižek Studies*, ed. Jamil Khader and Molly Anne Rothenberg, 31–54. Cambridge: Polity.
- Pippin, Robert (2012–13). “Back to Hegel?” *Meditations* 26.1–2:7–29. <http://www.meditationsjournal.org/articles/back-to-hegel>.
- Žižek, Slavoj (2002). *For They Know Not What They Do: Enjoyment as a Political Factor*. London: Verso.
- Žižek, Slavoj (2012). *Less Than Nothing: Hegel and the Shadow of Dialectical Materialism*. London: Verso.
- Žižek, Slavoj (2014). *Absolute Recoil: Towards a New Foundation of Dialectical Materialism*. London: Verso.